

связывает поворот во внешней политике византийских императоров (в сторону поисков военной помощи на Западе для борьбы против турок-сельджуков) с битвой при Манцикерте 1071 г., закончившейся разгромом византийской армии и захватом Малой Азии турками-сельджуками. Харанис отмечает попытки Византии уже в этом же году получить военную помощь от норманнов: эти попытки он усматривает в переговорах о браке одного из императорских сыновей с дочерью Роберта Гвискара. Далее Харанис рассматривает различные, выдвигавшиеся в историографии теории по вопросу о роли Алексея I Комнина в организации первого крестового похода. В этом историографическом эссе Харанис отмечает, что большинство историков присоединилось к точке зрения Риана, отрицавшего факт обращения Алексея I к Урбану II с просьбой об организации крестового похода. И действительно, совсем недавно Г. А. Острогорский считал большой заслугой Ф. Шаландона установление последним не только отсутствия какого бы то ни было обращения Алексея I к папе, но и полной неожиданности крестового похода для Алексея I¹. Опровержению этого взгляда и посвящена работа Хараниса.

Доказательство правильности своей точки зрения Харанис ищет в непривлекательном для изучения истории первого крестового похода источнике — хронике Феодора Скутариота, значение которой уже подчеркивалось венгерским историком Г. Моравчиком². Скутариот подробно останавливается на причинах, побудивших Алексея I искать военной помощи Запада, и дополняет в этом отношении известия западной хроники Бернольда.

Тот факт, что историк царствования Алексея I, его дочь — Анна Комнина умалчивает о переговорах Алексея I с папой Урбаном II, Харанис объясняет ее стремлением умышленно обойти молчанием эти переговоры, чтобы не давать повода к возведению на отца обвинений во вторжении западных крестоносцев, причинивших во время своего прохождения через территорию Византии большие бедствия населению.

Тексты источников не позволяют сомневаться в том, что Алексей I действительно искал помощи Запада, применяя обычное традиционное оружие византийской дипломатии — обещание унии с католической церковью; однако вопрос о времени его обращения на Запад остается спорным. В своей статье Харанис совершенно неверно рисует роль папского престола в организации первого крестового похода. Урбан II в изображении Хараниса представляется идеальным главою церкви, пекущимся об ее интересах, ставящим на службу этим интересам всю свою деятельность, заботящимся лишь о возвращении заблудшей дочери — византийской церкви — в лоно римской церкви.

Историки-марксисты давно разоблачили легенду об „идеальных“ целях папства в крестовых походах, усвоенную буржуазной историографией еще от феодально-католических историков и фальсифицирующую историю этих военно-колониционных предприятий; советские историки показали, что папство в данном случае, как и во всей своей деятельности, лишь выполняло социальный заказ господствующим

¹ G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates, München, 1940, S. 225, n. 2.

² G. Moravcsik, Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker. „Byzantinoturcica“, I, Budapest, 1942, S. 329 ff.